

*П.В. Антипин,
слушатель факультете
социологии МВШСЭН*

Взаимодействия традиционализма и модернизма в России

Преобразования, начавшиеся в странах "реального социализма" в конце 80-х годов, послужили толчком к возрождению теорий (и идеологии) модернизации. В научном дискурсе 90-х годов процесс модернизации утратил черты универсальности и однолинейности. Отныне "модернизация рассматривается как исторически ограниченный процесс, узаконивающий институты и ценности современности: демократию, рынок, образование, разумное администрирование, самодисциплину, трудовую этику и т.д. Стать современным (или избежать "ложной современности") до сих пор является жизненно важной задачей для посткоммунистических обществ"¹.

Не вдаваясь в дискуссию о типе российской модернизации, констатируем, что на данный момент в России происходит очередной виток модернизации, причем длительная многовековая модернизация раскалывает общество на две части. Идеи модернизма по-прежнему не могут консолидировать российское общество.

Модернизация сопровождается потерей интегрирующих ценностных ориентиров, что выражается, например, в отсутствии обще-

---

¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М., 1996. С. 184.

национальной идеи. В конце 90-х годов происходят дискредитация идей либерализма и наступление традиционалистских тенденций.

Длительная модернизация привела к сосуществованию в России двух обществ¹: *модернистского и традиционалистского*.

Социологи и ранее неоднократно отмечали, что в нашей стране на данный момент существуют две России — "советская" и "новая"². На наш взгляд, для описания данной дихотомии целесообразней использовать общепринятые понятия традиционализма и модернизма. Возникновение "современности" подробно проанализировано М.Вебером³. Логически завершенное определение современного общества через его сравнение с традиционным дано в работах Т.Парсонса⁴. Описывая черты современного общества (рыночная экономика, верховенство закона, достигательная ориентация индивида и т.д.), К.Понпер обобщил все это под названием "открытое" общество⁵.

Однако представляется, что "открытость" [миру] является лишь внешней характеристикой современного общества, отражающей черты данного национально-государственного образования в его взаимодействии с другими такими же образованиями, а например, "гражданское" общество — это интросоциальная характеристика современного общества. Степень развитости внутренних и внешних характеристик должны соответствовать друг другу. Современное (модернистское) общество возникает на индустриальной основе при наличии рыночной экономики и правового государства. В нем индивид принимает личные решения и стремится подняться по социальной лестнице⁶.

В *традиционном* (закрытом) обществе индивиду нет необходимости делать осознанный выбор, ибо он живет так, как жили деды и прадеды. Собственно, в нем вообще нет индивида. Есть община (коллектив), обеспечивающая не просто абстрактную, а физически осязаемую связь ее членов. Интеграция общин осуществляется государством, поэтому державность является одной из существенных черт традиционной культуры.

В нынешней России традиционное и современное общества, можно сказать, разведены в пространстве. Современное общество

---

¹ Здесь и далее термин "общество" будет использоваться в двух смыслах: 1) как совокупность сконструированных черт (идеальный тип), когда речь будет идти о традиционализме и модернизме; 2) как исторически сложившаяся национально-государственная организованность, когда речь будет идти о российском обществе.

² *Косова Л.Б.* "Человек советский" — возможность типологии // *Экономические и социальные перемены: Мониторинг общественного мнения*. 1997. № 2. С. 17.

³ *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // *Избранные произведения*. М., 1990. С. 66—2.

⁴ *Parsons T.* *The Social System*. Glencoe: Free Press, 1964.

⁵ *Понпер К.* Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 8—9, 210—218.

⁶ Там же. С. 218.

концентрируется в мегаполисах, а традиционное — в сельской местности, малых и средних монопроизводственных городах.

В мегаполисах имеются высокие технологии в промышленности, демократические технологии в политике, широкий резонанс общественного мнения; в сельской местности — преобладание рутинного сельского хозяйства в экономике, этатизма в политике и замкнутости "общественного" мнения на общину и т. д.

Четкое разграничение традиционализма и модернизма находит свое выражение и в политике, что связано с наличием модернизированных и традиционных территорий.

Взаимодействие традиционализма и модернизма представляет собой классический пример диалектики единства и борьбы противоположностей. К Новому времени традиционалистское общество достигло количественного предела своего развития, что привело к появлению нового качественного образования — модернистской культуры, отрицающей традиционализм. Западная цивилизация сейчас находится на этапе отрицания отрицания: традиционализм включает модернистскую культуру в "снятом" виде.

Однако диалектика не является единственным методологическим принципом, описывающим взаимодействие традиционализма и модернизма. Бывают случаи, когда рассматриваемые сущности не имеют необходимой внутренней повторяющейся связи, их взаимосвязь случайна и обусловлена лишь пространственной и временной близостью. Пересечение двух миров неизбежно дает непредсказуемые флуктуации, производя бесконечное множество точек бифуркации. Но в самом общем плане пересечение возможно в двух вариантах: либо модернистский традиционализм, либо традиционалистский модернизм.

Европейский исторический опыт подтверждает диалектическую логику развития, а российский — принцип случайного пересечения параллельных миров. Таким образом, в российском обществе одновременно происходят несколько социальных процессов, которые можно описать в терминах традиционализма и модернизма. С одной стороны, традиционализм и современность суверенны, а с другой — диффундируют. Следовательно, возможны четыре идеально-типических варианта развития данных процессов:

1. Интенсификация модернизированного общества, т.е. установление максимально гомогенных модернистских отношений внутри современного общества;

2. Интенсификация традиционного общества, т.е. усиление закрытости территорий ("возвращение к корням");

3. Целенаправленная (догоняющая) модернизация;

4. Традиционализация модерна.

Варианты интенсификации связаны с проводимыми либеральными реформами. Реформы способствуют развитию мегаполисов.

Однако возникновение либеральной социальной системы сопровождается разрывом связей, отлаженных в рамках советского общества. В результате слабо интегрированные территории еще в большей степени теряют связь с окружающим миром. Интенсификации носят точечный характер. В частности, *интенсификация модерна* присуща Москве и С.-Петербургу.

Усиление традиционализма также распространено на относительно небольших территориях, оторванных от "цивилизации" из-за невыгодного географического положения (тайга, болота и т.д.). В некоторой степени растущий традиционализм характерен для малых монопроизводственных городов, где подсобное хозяйство становится основным источником существования.

В результате разрыва прежних социальных связей сохранение социальной жизни в российской глубинке возможно только благодаря консервации традиционных отношений. Парадокс заключается в том, что отдельные территории могут оставаться частью российского гезельшафта, только будучи гемайншафтами. Дезинтеграционный потенциал интенсификационных процессов компенсируется модернизацией и традиционализацией — процессами, направленными на сближение традиционного и современного обществ.

По мнению ряда исследователей, догоняющая (запаздывающая) модернизация России, в отличие от органической, характеризуется "высокой социальной ценой", выражающейся в поляризации и люмпенизации общества (А.С.Ахиезер)¹, неравномерностью (Л.А.Седов)² и прерывистостью³. Часто она сопровождается "псевдомодернизацией", т.е. преобладанием потребительских ориентаций и "бездумным переносом и подражателем" (С.Я.Матвеева; Л.А.Седов)⁴.

Исторический анализ модернизации Англии показывает, что "колоссальная социальная поляризация общества, огромный разрыв между крайней нищетой и бедностью, с одной стороны, и вызывающим богатством и роскошью — с другой"⁵, характерна для страны органической модернизации не меньше, чем для России.

Отгораживание, несмотря на длительность своего вызревания, формировало многотысячную, а возможно, и многомиллионную

---

¹ "Российская модернизация" Проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7 С. 5; Наумова Н.Ф. Рецидивизирующая модернизация в России как форма развития цивилизации // Социологический журнал. 1996 № 3—4 С. 9—10; *Хорос В.Т.* Модернизация в России и Японии (цивилизационные аспекты) // Мировая экономика и международные отношения. 1991. № 8. С. 72.

² "Российская модернизация: Проблемы и перспективы (материалы круглого стола) // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 22; 10. Красильщиков В.А. Модернизация и Россия на пороге XXI века // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 46.

³ *Наумова Н.Ф.* Указ. соч С 6, 10; *Красильщиков В.А* С 47

⁴ "Российская модернизация... С. 22, 24.

⁵ *Наумова Н.Ф.* Указ. соч. С. 9

армию нищих и бродяг. Во второй половине XVII в. число пауперов достигало в Англии 2 825 тыс. человек (для сравнения, крестьяне всех категорий — фригольдеры, копигольдеры и др. — составляли 1 730 тыс. человек)¹. Органическая модернизация сопровождалась *социальной поляризацией* общества.

Неравномерность английской модернизации проявилась в противоречивости правовой системы. С одной стороны, вплоть до 1814 г. действовал парламентский "Акт о наказаниях бродяг и упорных нищих", принятый в 1597 г., по которому в случае третьей поимки бродяге или "упорному" нищему грозила смертная казнь. С другой стороны, в 1679 г. был принят небезызвестный "Хабеас корпус акт", который давал арестованному право требовать через суд проверки законности своего ареста.

Политические потрясения середины XVII в. завершились реставрацией (1660—1688 гг.), после которой последовала "славная революция" (1688—1689 гг.), что доказывает *прерывистость* органической модернизации.

Таким образом, органическая модернизация, как и неорганическая, характеризуется высокой социальной ценой (поляризацией и люмпенизацией общества), неравномерностью и дискретностью (рецидивностью). Модернизация — это совокупность *попыток* модернизации, причем потребительская ориентация и подражание представляют собой не псевдомодернизацию, а необходимый начальный этап догоняющей модернизации, элементы которого сохраняются и на более поздних стадиях.

Догоняющая модернизация, по определению, означает ориентацию на страны, успешно прошедшие модернизацию. Если страны первого эшелона создают культурные образцы современного общества, то догоняющие страны адаптируются к ним, принимают их (А.С.Ахиезер)². Следовательно, *подражают*. Подражание же всегда носит стихийный, поверхностный характер и ориентировано в первую очередь на усвоение образцов потребления.

Стихийность ("бездумность") происходит от того, что в подражании участвуют различные социальные общности — субъекты исторического процесса. Их целеполагание различно, а порой даже противоположно. Поскольку нет единого критерия целесообразности того или иного заимствования, постольку у одних индивидов и групп возникает ощущение чрезмерности, а у других — недостаточности этих заимствований.

Подражание странам первого эшелона поверхностно, ибо способности преобразователя ограничены, даже если речь идет о го-

¹ Новая история. Т. 1 (1640—1789 гг.) / Под ред. Б.Ф.Поршнева, С.Д.Сказкина, В.В.Бирюковича. М., 1953. С. 113.

² См.: Российская модернизация... С. 3.

сударстве. Никто из реформаторов не может спроектировать развитие общества на длительный период, не может точно определить все причины социального процесса и дать полное описание всех комбинаций взаимодействия относительно автономных социальных сфер. Все это делает невозможным перенос исходных элементов и внутренних механизмов развития из одной страны в другую. У реформаторов догоняющих стран нет иного выхода, кроме как исходить из аналогии. Копируется только то, что наблюдаемо, то, что является. Явление же всегда поверхностно.

Подражание поверхностно, поэтому оно *потребительски ориентировано*. Нормы потребления всегда усваиваются легко и быстро. При столкновении цивилизаций разного уровня развития более примитивные общества, как правило, перенимают образцы потребления развитой цивилизации. Принятие современных образцов потребления трудно объяснить с точки зрения концепции разномысленности исторического развития. Сам факт начала модернизации в той или иной стране свидетельствует о стремлении части общества (не только элиты, но и массовых слоев населения) к достижениям западной цивилизации.

Таким образом, поверхностность, стихийность и потребительская ориентация подражания являются сущностными чертами начального этапа догоняющей модернизации.

В общих чертах модернизация проходит три этапа:

- 1) подражание;
- 2) антимодернизм как реакция общества на опасность потерять национально-общественную идентичность;
- 3) принятие модернистских ценностей, как своих собственных.

Данная периодизация носит аналитический характер. Это значит, что в реальной жизни происходит не абсолютная смена одного этапа другим, а наложение одного на другой. При этом определенная часть общества может "остановиться" в своем развитии на одном из этапов. Основное отличие догоняющей модернизации от органической заключается в ее целенаправленном характере (и связанном с этим волюнтаризмом). Догоняющая модернизация стран второго эшелона (Россия, Япония, Германия и Италия) преследует военно-политические цели. *Военно-политическая ориентация* и составляет специфику догоняющей модернизации стран второго эшелона. Присоединение Германии, Италии и Японии к странам первого эшелона произошло только во второй половине XX в. в связи с началом позднеиндустриальной модернизации¹. В результате военного поражения во Второй мировой войне развитие этих стран потеряло главное качество догоняющей модернизации второго эшелона —

---

¹ Красильщиков В.А. Указ. соч. С. 45.

военно-политическую ориентацию, что позволило нормализовать экономическую и политическую сферы жизни данных обществ.

Таким образом, опыт стран, прошедших военно-политическую модернизацию, свидетельствует о том, что Россия имеет шанс присоединиться к высокоразвитым странам. Пока же российское общество — это "дезинтегрированная макрообщина, в которой только созревает современный социокультурный уклад"¹.

Наличие самовоспроизводящегося традиционного общества создает вокруг себя поле *традиционализации*.

Одним из основных условий традиционализации является несоответствие модернистских ценностных ориентаций фоновым практикам². "Перемены в ценностной сфере... в постсоветском обществе не связаны с переменами институциональных рамок повседневной жизни. Притягательность нового для многих групп уже есть, а нормативно определенных и организационно обеспеченных и подтвержденных правил достижения его, реализации желаемого, систематически дисциплинирующего индивидуальное поведение, — нет"³.

Традиционализация выражается в двух тенденциях. Во-первых, модернизация превращается в либеральную *традицию*, следование которой носит иррациональный характер. Во-вторых, в российской политике реализуется неотрадиционалистская модель.

Данная «модель основывается на следующих допущениях:

а) что наряду с компрадорски настроенной элитой существует патриотическая контрэлита...;

б) что народ в основном представлен консервативным большинством...;

в) что возможен союз патриотически настроенной элиты... и консервативно настроенного "молчаливого большинства"⁴.

Импульсом для формирования патриотической элиты стал проигрыш либералов на выборах в Государственную Думу в 1993 г. и 1995 г. Костяк новой элиты составляют провинциальные лидеры, вовлечение которых в общенациональное политическое поле, по мнению некоторых аналитиков, "замедляет и блокирует потенциал реформистской политики"⁵.

Консерватизм народа проявляется в росте ностальгии по брежневским временам, в преобладании представлений о том, что рус-

---

¹ Лейбович О.Л. Модернизация в России. Пермь, 1996.

² Подробнее о фоновых практиках см.: Волков В.В. О концепции практик(и) в социальных науках // СОЦИС 1997. № 6. С. 9—24, 13—16.

³ Гудков Л.Д. Русский неотрадиционализм // Экономические и социальные перемены.. 1997. № 2. С. 28.

⁴ Панарин А. Второй эшелон политической элиты в поисках новой идеи // Власть 1998 № 2. С. 49

⁵ Гудков Л.Д. Указ. соч С. 26

ский характер наиболее ярко выражен в "простых людях", "в наших предках" и распространен не в столицах, где модернизация достигла наибольших успехов, а в провинции, особенно за Уралом¹.

Постсоветская патриотическая элита не может напрямую поддерживать миф о русском характере и вернуть советские времена, поэтому союз новой элиты и народа происходит на основе поддержки принципа извечной державности, а также частичного восстановления советской распределительной системы².

Столкновение традиционализма и модернизма приводит к обострению отношений между мэрами быстро модернизирующихся крупных городов и руководителями субъектов федерации, вынужденных искать баланс интересов модернистских и традиционалистских территорий своего региона.

Конфликт обусловлен тем, что крупные города, как правило, являются донорами бюджета субъекта федерации, поэтому стремятся получить преимущества перед дотационными территориями. Так, в Перми уровень собираемости налогов превысил плановые задания на 6%. В то же время ряд районов Пермской области находится в полной зависимости от областного бюджета: Большесосновский район на 84,8% финансируется из областного бюджета, Ильинский район — на 81,7%.

Таким образом, объективно социальные различия между модернизированными и традиционными территориями усиливаются. В результате, в мегаполисах растет социально-инновационный потенциал, а в глубинке (в селах и малых монопроизводственных городах) — энергия социального распада, провоцирующая ретретизм.

Наступление традиционализма вызывает неоднозначную оценку. Одни аналитики высказывают мнение о том, что "российский неотрадиционализм следует считать чисто деградационным событием или процессом"³. Для других исследователей "либеральная идеология "открытого общества" стала идеологией экономического, военно-стратегического и идейного разоружения России перед тотальной экспансией Запада после его победы в "третьей мировой войне", поэтому возрождающийся традиционализм "становится ответом на угрозу поругания национальных святынь и идеалов"⁴.

В результате взаимодействия традиционализма и модернизма формируются определенные социальные общности, которые принимают как модернистские, так и традиционалистские ценности и нормы. Появляются устойчивые переходные социо-

---

¹ Гудков Л.Д. Указ. соч. С. 30.

² Хахулина Л.А., Стивенсон С.А. Неравенство и справедливость // Экономические и социальные перемены... 1997 № 2. С. 44.

³ Гудков Л.Д. Указ. соч. С. 31.

⁴ Панарин А. Указ. соч. С. 48—49.

культурные образцы (формы). Эти переходные формы имеют определенную пространственную распространенность и охватывают население малых городов и крупных сел. В связи с этим можно говорить о трех *переходных образах жизни* (основными компонентами образа жизни являются ценности, поведение и условия жизни¹), имеющих пространственную дислокацию:

1) образ жизни максимально отдаленных сел и деревень, для которых характерны спорадические контакты с городом;

2) противоположный образ жизни, формирующийся в пригородных населенных пунктах, расположенных в 30—40 мин. езды от крупного города;

3) образ жизни поселений, расположенных между вышеуказанными полюсами и характеризующийся редкими малочисленными, но устойчивыми контактами с крупным городом. Возможно, в данном случае следует говорить о нескольких промежуточных образах жизни. К сожалению, отсутствие эмпирической информации не позволяет утверждать этого достоверно.

Данные образы жизни в определенной степени соответствуют этапам модернизации (подражание, антимодернизм, интернализация модернистских ценностей). Исторические периоды "застывают" в пространстве.

Образ жизни отдаленных сел определяется закономерностями начального периода модернизации, о котором речь шла выше. Первое столкновение крестьян с современной цивилизацией приобщает их к городской культуре с ее внешней праздничностью и праздностью, резко контрастирующей с тяжелым сельскохозяйственным трудом и примитивным сельским бытом (в некоторых селах Пермской области до сих пор носят лапти). Более того, крестьянин видит, что горожане работают меньше, но при этом обладают большими благами. В результате возникает желание освободиться от тягот жизни². Освобождение (как возможность ничего не делать) выражается в пьянстве, которое несет в себе как модернистские, так и традиционалистские черты. Употребляются, как правило, алкогольные напитки, произведенные индустриальным способом (модернизм), а сам процесс распития носит коллективный характер (традиционализм).

Образу жизни отдаленных сел свойственно поверхностное подражание городу, имеющее ярко выраженную потребительскую ориентацию. Потребление характеризуется минимумом современных благ.

Образ жизни в пригородных селах отличается тем, что их жителям доступны практически все блага мегаполиса. Кроме того,

¹ Социальные показатели образа жизни советского общества. М., 1980. О. 28, 35.

² *Фэй Сяодун*. Крестьянство как образ жизни // Великий незнакомец. Крестьяне и фермеры в современном мире., М., 1992. С. 73.

пригородные сельскохозяйственные предприятия имеют более высокие рыночные шансы.

Некоторым индивидуальным производителям свойствен фермерский тип поведения, т.е. ориентация на прибыль¹, несмотря на отсутствие официального статуса фермера. Рыночно ориентированное хозяйство Нечерноземья, как правило, занимается производством и реализацией сельскохозяйственной продукции (чаще всего выращиванием зеленого лука в зимних теплицах ранней весной; рассады овощных культур поздней весной; овощных культур летом — осенью, а также консервированием овощей на зиму).

Наиболее предприимчивые селяне поддерживают весь цикл, но наиболее распространенным являются третий и четвертый типы.

Таким образом, жители пригородных сел в большей степени, чем жители отдаленных сел, принимают ценности современного общества, что является результатом приобщения к достижениям современной культуры.

Третий тип сельского образа жизни характеризуется принципиальной противоречивостью. С одной стороны, происходит определенное насыщение потребительского рынка, а с другой — возникает ностальгия по традиционному укладу, в котором все просто и размеренно.

В результате появляется группа "непоследовательных приверженцев деревни": в деревне хуже, чем в городе, но жить хотели бы в деревне (27% респондентов), и "последовательных приверженцев города": в городе лучше, жить хотели бы в городе (32%). В то же время в этих селах сохраняется группа "последовательных приверженцев деревни" (41%). Данная типология охватывает 67% опрошенных². Ностальгия по традиционному укладу формирует группу противников модернизации.

Многообразие социальных процессов производит массу маргинальных социальных слоев (в соответствии с переходными формами). В то же время это многообразие обеспечивает *относительный* характер маргинализма и аутсайдерства, поэтому каждый индивид может найти свое место в обществе.

Таким образом, при изучении модернизации в качестве самодостаточного процесса напрашивается вывод о "разрыве" российского общества. Если же рассматривать модернизацию в более широком социальном контексте, то она являет собой (наряду с

---

¹ Редфилд Р. Крестьянство как социальный тип // Великий незнакомец... С. 71.

² Здесь приведены результаты исследования, проведенного в середине 70-х годов. К сожалению, мы не располагаем более новыми данными. (Рывкина Р.В. Традиционные и урбанистические ценности сельского населения и их зависимость от места жительства // Сибирская деревня в условиях урбанизации. Новосибирск, 1976. С. 122.)

традиционализацией) процесс, обеспечивающий определенный тип конструктивных социальных изменений. Описанные переходные формы заполняют континуум между традиционализмом и модернизмом, придавая российскому обществу синусоидально колеблющуюся устойчивость.

Увеличение числа переходных образов жизни (переходных между переходными и т.д.) способствует стабильному развитию российского общества.